Луначарский А. В.

1984

МОСГОРСПРАВКА
ОТДЕЛ ГАЗЕТНЫХ ВЫРЕЗОК
К-9, ул. Горького д. 5/6 Телефон 203-81-63

Вырезка из газеты

РАБОЧИЙ КРАЙ 1-9 СЕН 1984

г. Иваново

В общении с А. В. Луначарским

Пора становления новой — социалистической культуры, ее корни, истоки, особенно в жизни рабочих центров, тесно связаны с идеологической борьбой, общей обстановкой напряженнейшего рождения первого в мире свободного государства рабочих и крестьян. Однако знаем мы об этой поре далеко не все. В связи с этим представляются важными публикация архивных материалов, учет статей в газетах того времени, что открывает новые знания и позволяет уточнить сложившиеся представления. В предлагаемой статье использованы документы из Центрального государственного архива литературы и искусства [фонды 17, 1068 и 1884], а также учтены материалы из газет «Рабочий край» [за 15, 16, 17, 18, 19, 24 апреля, 23 августа 1919 года] и «Ленинец» [за 31 августа 1966 года].

16 марта 1922 года из Москвы в Иваново на имя «рабкраевца» М. Д. Артамонова А. В. Луначарским было отправлено письмо. Автор и адресат знали друг друга по ранее состоявшимся встречам. Определенно можно говорить об апреле 1919 года, когда Луначарский в качестве уполномоченного ВЦИКа выезжал в рабочие центры нашего региона для решения возникших на местах конкретных вопросов.

18 апреля 1919 года в «Рабочем крае» под названием «Беседы с Луначарским» было опубликовано взятое у него интервью о международном положении и о необходимости сконцентрировать все силы на борьбу с Колчаком. Под публикацией имя корреспондента не называлось. Но годы спустя в очерке «В редакции», опубликованном в столичном сборнике «Ловцы новостей» (1930 год), Михаил Артамонов рассказал о том, как именно он брал это интервью: «Я достаю листки бумаги. Анатолий Васильевич ходит и диктует. Сначала я успеваю кое-что записать. Диктует он быстро, не поспеть и стенографистке. Дальше я делаю наброски, наметки, надеюсь потом расшифровать. Он ходит по залу, говорит и говорит, а у меня уже разломил руны, я уже не могу писать. Я едва успеваю набрасывать даже наметки. Передо мной гора листков, при одном взгляде на которые охватывает ужас. Ну, пропал! Быть беде! Не выпутаться из этой истории.

— Ну, так на чем мы кончили? — вдруг подходит Анатолий Васильевич.

— Окружив железным кольцом блокады... Он смотрит на мои листки, пробует кое-что понять, говорит:

— Вы разберете?

— Да, я разберу.

— Что это у вас здесь? Кажется, этого я не говорил. Я пробую прочесть, но не удается.

— Вы не беспокойтесь, Анатолий Васильевич, здесь хорошо, руны заоченели. Я все разберу дома.

— Пожалуй, на сегодня будет, — говорит он. Я раскланиваюсь и ухожу.

В редакции взял страх. Что я буду делать? Что говорил Луначарский? Я гляжу на листки и ничего не могу разобрать. (...)

Я рассказываю о своей беде товарищам. Они сочувствуют, готовы помочь, сообща придумать новую речь Луначарского, может быть, такую, которой он и не произносил.

— Да, вот что. Недавно на съезде он выступал с большой речью. Было в «Правде» или «Известиях».

Мы достаем старые номера газет, прочитываем там его мнение о текущем моменте. Кое-что берем оттуда, кое-что с черновиков. Получается блестящая статья строк на полтора.

В те дни могли быть встречи не только в связи с интервью. Луначарский участвовал в объединенном заседании горсовета, горсовпрофа и членов РК партии по вопросу «О мобилизации и борьбе с Колчаком», провел массовый митинг с рабочими на тему «Вильсон, Колчак и Ленин». Несмотря на напряженность общей обстановки, он прочел лекцию для красноармейцев о международном положении, две лекции на тему «Город и деревня» — для рабочих, на одной из них полемизировал с анархистом Черняковым; ответил на многочисленные записки сначала при встрече с рабочими, затем — в виде специальной статьи. Нарком просвещения считал должным принять школьников, пообщаться с журналистами «Рабочего края».

И, конечно, было знакомство с газетой, на страницах которой и раньше печатались его статьи и где теперь шла не только краткая информация о его приезде, речах, лекциях, но давалось подробное изложение последних. В Иваново, специально для «Рабочего края», он написал статью «Что такое пасха?». В качестве передовой, с полной подписью —

«А. Луначарский» — она открывала номер от 19 апреля (№ 87). В том же номере печаталось подписанное псевдонимом «Поэт с улицы Восстания» (М. Артамонов) стихотворение «Пророк», а с подписью «Мих. Артамонов» устремленная к будущему лирической миниатюра «Раскрыв у райских горниц окна». «Чтоб снова в жизни дерзновенной Заря разливами зажглась» — вот ее лейтмотив.

Вообще в дни пребывания Луначарского в Иваново редакция газеты в полной мере, но непреднамеренно (приезд наркома для ивановцев был неожиданным) открыла свою особую приверженность к литературному материалу. В шести номерах (15—24 апреля) были напечатаны статья Ив. Жижина «Задачи пролеткульта», статья А. Тимошина и Дм. Семеновского «Революция и частушка», адресованные молодым пролетарским писателям две статьи-консультации Дм. Семеновского («Звукозапись», «Не подражайте»), подписанные Иваном Деревенским (М. Д. Артамоновым), два подвала «Из записок старожила» и «Записки старожила». В те же дни были напечатаны рассказ Дм. Семеновского «Весной», стихотворный фельетон Видадского (Я. Коробова) «Святые земли русской» и много стихов. Среди них: «Бова», «Затишье», «Скоро» Сергея Семина, «Заремели водою овражины», «Пасха», «Тонкий пар встает в низине», «В поле» Дм. Семеновского.

В контактах А. В. Луначарского с ивановцами открылось, как широко, творчески понимал нарком просвещения свои задачи по формированию новой культуры, как охотно помогал одаренной молодежи — молодым музыкантам, художникам, артистам, изобретателям, как чувствовал необходимость для кого-то из них улучшить бытовые условия, кому-то помочь учиться... Конечно, это запомнилось.

Неудивительно, что М. Артамонов, активно выступавший в периодической печати и в коллективных сборниках, к началу 20-х годов автор трех сборников стихов, готовя новую поэтическую книгу, обратился к А. В. Луначарскому. Ответом на это и явилось

письмо от 16 марта 1922 года, напечатанное на машинке, на официальном бланке народного комиссара по просвещению и подписанное самим Луначарским. Поскольку письмо не публиковалось и даже не учтено в самых авторитетных библиографических справочниках, приведем его полностью:

Иваново-Вознесенск.
Редакция газеты «Рабочий край».

Тов. Артамонову.

Дорогой товарищ! Вы очень ошибаетесь, стихи Ваши мне очень нравятся. Я, правда, долго не мог приступить к их чтению, т(ан) и(ан) был очень занят, поэтому отправил их в Госиздат совершенно недавно. Рукопись ваша находится в Госиздате. Будут ли они изданы, я не знаю, т(ан) и(ан) московский Госиздат довольно недружелюбно относится к изданию стихов. Во всяком случае, я их рекомендовал и если получим отказ, можно будет попытаться у Ионова (в Петроградском отделении Госиздата. — Л. Р.).

Нарком по просвещению
А. ЛУНАЧАРСКИЙ.

Очевидно, посылка рукописи сборника А. В. Луначарскому сопровождалась письмом, где выражалась неуверенность в отношении к стихам провинциала — иначе не появилась бы строка «Вы очень ошибаетесь». Письмо это сейчас еще не обнаружено. Упоминание Луначарским фамилии Ионова без каких-либо пояснений позволяет предполагать, что фамилия эта возникла и при личных встречах. Предположение укрепится, если вспомнить: Артамонов не только знал И. И. Ионова до письма Луначарского, но сам советовал некоторым литераторам адресоваться к нему. Точного состава рукописи, судьбой которой был озабочен Артамонов, мы пока тоже не знаем. Предположительно можно думать, что она была близка или тождественна составу вышедшего в 1924 году сборника «Деревенская улица. Песни». Сборника, открывавшего читателю «переходной поры» поэзию деревенской России. И вместе с тем пронизанного безмерной радостью от ощущения свободы, звавшего к гражданскому действию (открывающее книгу стихотворение «На улице»). Окружающих поэта — героя людей подчас охватывает «пересмех заревой» («Ярмарка»). Признаки нового времени входят в будни, в быт: «Над парусиновой крышей развеивает-

ся алый стяг» («Ярмарка»). Известнейший из критиков той поры — А. К. Воронский — на страницах журнала «Красная новь», в статье «Песни северного рабочего края» писал об авторе этого сборника: «Он — коммунист, он за новую, Советскую Русь...».

Строки публикуемого письма — «стихи Ваши мне очень нравятся» — связаны, по-видимому, не только с полученной рукописью. А. В. Луначарский мог знать и другой аспект творчества Артамонова. В изданном с предисловием М. Горького первом «Сборнике пролетарских писателей» было напечатано прекрасное стихотворение Артамонова «Забастовка», впервые опубликованное еще в «Правде». Три первые его строфы характеризуют «немые корпуса». Однако из взаимодействия этих строф с финальной —

Ничем не пронизана мертвая
Тьма
Над хаосом пыльной немой
Обстановки,
И стала вдруг фабрика
Точно тюрьма,
Лишь сторож на месте
Во дни забастовки —

явствует, что жизнь идет от людей труда, осуществляется ими, рабочими. Могли быть ведомы «нарком по просвещению» и другие стихи, опубликованные в доктябрьской «Правде». Наконец, через посредничество Горького он мог познакомиться еще с рядом поэтических произведений, составивших рукопись сборника «Земля родная», которую Горький читал и об издании которой хлопотал в 1918—1919 годах.

Луначарский на страницах «Известий» положительно оценил первый из сборников «кружка настоящих пролетарских поэтов» — «Крылья свободы». Из произведений Артамонова сюда входили «Песни-марш», «Мы идем», а также — стихотворения «Окраина», «Фабричный шум», «Рекрута». Мог он знать и другие коллективные сборники ивановцев. По воспоминаниям Артамонова, Луначарский, отправляясь в Иваново-Вознесенск, имел наказ от Ильича: забрать всю печатную продукцию нашей группы».

Л. РОЗАНОВА,
профессор, заведующая кафедрой русской литературы Ивановского университета.